

Текст · 11 ноября 2023, 13:38

Как организовать побег из плена. Отрывок из книги «Частная армия Попски» о Второй мировой войне

В издательстве *Individuum* вышла книга Владимира Пенякова «Частная армия Попски» — один из самых необычных примеров военных мемуаров. Сын эмигрантов из Российской империи, Пеняков родился в Бельгии, учился в Кембридже, недолго воевал во время Первой мировой. Вторая мировая застала Пенякова в Египте, где он вступил в британскую армию — и начал заниматься разведкой и диверсиями в тылу у итальянцев и немцев. Спустя некоторое время у него появился собственный отряд — «Частная армия Попски» (так британцы называли Пенякова, потому что им трудно было произносить его фамилию). Воспоминания он написал вскоре после окончания войны, и они стали бестселлером, но на русском языке вышли только сейчас. «Медиазона» публикует отрывок, в котором Пеняков рассказывает об одной из первых своих операций в Северной Африке: он отправляется в занятый противником ливийский город Дерна, чтобы организовать побег британских военнопленных.

Я попросил Али найти способ вывести меня на окраину города за два часа до заката: оттуда я рассчитывал сам пробраться к лагерям. Он принялся протестовать и спорить: по его словам, поздним вечером улицы заполнят солдаты. Но именно на это я и рассчитывал: немцы примут меня за итальянца, итальянцы — за немца, в толпе я останусь незамеченным. Али согласился, что если мне нужно пройти по улицам, то лучше это сделать, когда там многолюдно, и предложил пойти вместе со мной. Я отказался, а он не стал спорить — вместо этого подозвал трех своих друзей, и они долго шептались, пока я, вооружившись биноклем, рассматривал белый город, лежавший внизу на равнине передо мной. Всего я наблюдал восемь часов и увидел массу интересного: каботажные суда, разгружавшиеся в малой гавани, и колонны грузовиков, заезжавшие в казармы за Воротами Бенгази.

Когда Дерна была нашей, в этих казармах располагался склад (и, очевидно, немцы разместили свой там же). К западу от города вдоль моря стояли палатки лагерей доукомплектования и отдыха, думаю, и итальянские, и немецкие. Исходя из сложных расчетов, основанных преимущественно на догадках, я прикинул, что в Дерне и поблизости сосредоточено от двенадцати до пятнадцати тысяч солдат противника. Около часа дня под ярким солнцем жизнь постепенно замирала, и к двум на улице уже не было ни души. Спрятавшись в тень, заснул и я.

В четыре часа Али меня разбудил. Я влез на ослика, которого привели в форт, пока я спал, и целиком завернулся в свой джерд так, что торчали одни босые пятки. Так и поехал, сгорбившись и трясая головой. С двух сторон меня поддерживали арабы: пациент *in extremis*^[1], человек на последнем издыхании, до которого, мы надеялись, никому нет дела, едет к врачу. Так мы попали в город и остановились во дворе дружественного дома терпимости, где я скинул джерд^[2], обулся, собрался с духом и вышел за ворота, пытаюсь выглядеть как солдат, только что посетивший бордель. На самом деле меня заполняли тревога и неуверенность. Невольно вспоминалось то чувство, когда в детстве меня заставляли прыгать в глубокий бассейн, хотя я и плавать-то еще не умел.

За первым же поворотом узкой улочки я запаниковал, наткнувшись на полицейского фельдфебеля: вдруг квартал оцеплен и меня отправят прямиком в полицейский участок? У меня не получилось скрыть замешательство, но немец, судя по всему, объяснил странности моего поведения не страхом, а другими причинами. Поравнявшись со мной, он грязно ухмыльнулся и отпустил грубую шутку на ломаном итальянском по поводу забав, не соответствующих моему возрасту. Его невежливое замечание придало мне мужества. Уж если немецкий фельдфебель принял меня за итальянца, значит, моя хитрость работала и все шло хорошо. Когда я добрался до конца переулка, колени у меня все еще дрожали, но разум уже обрел спокойствие, и я быстро зашагал по главной улице. Там повсюду сновали солдаты: Африканский корпус, люфтваффе, итальянцы. Все, как и я, одеты в форму — изначально разных

оттенков хаки, но теперь они выцвели и слились в невзрачный песчано-желтый цвет, так что мои британские полевые рубашка и брюки совсем не выделялись на общем фоне. По улицам шлялись сотни солдат, и каждый из них был моим врагом, но никто так и не заметил, что моя форма тут единственная в своем роде.

Сначала я жался к домам, готовый в любой момент шмыгнуть в переулок, но потом понял, что лучший способ привлекать к себе поменьше внимания — чувствовать себя как можно свободнее. Если бы мне удалось полностью забыть, в каком необычном положении я нахожусь, то я мог бы разгуливать хоть в красно-зеленой одежде и шляпе с пером — и никто бы не усомнился в моем праве находиться в Дерне 6 августа 1942 года.

Эта мысль придала мне уверенности, поэтому я решительно двинулся быстрым шагом прямо по центру улицы, иногда задевая кого-нибудь из вражеских солдат плечом. Но теперь я даже не обращал на них внимания: мои мысли сосредоточились на подготовке побега наших плененных товарищей, так что стоило поспешить, чтобы осмотреть подходы к первому лагерю. Я рассчитывал управиться со всем, а потом еще успеть до темноты пройти шесть километров, и не собирался никому позволить встать у меня на пути. При этом я даже почувствовал что-то вроде товарищества ко всем этим парням вокруг — тоже солдатам, как и я, с похожими обязанностями. Станным образом я ощущал, что все мы делаем одну работу. Какое-то блаженство охватило меня, и озабоченность необычным положением почти

исчезла из головы. Конечно, не полностью — я по-прежнему высматривал в толпе офицеров, чтобы отсалютовать немцу в итальянской манере, и наоборот.

Патруль «Группы дальней разведки пустыни» (Long Range Desert Group, LRDG) — разведывательно-диверсионного подразделения британской армии, которое занималось рейдами в тыл врага по бездорожью Сахары

Ни с кем, кроме офицеров, я старался не встречаться взглядом: отрешенный вид отлично помогает избежать ненужных разговоров, дружелюбных или агрессивных. Никто целенаправленно не подойдет к человеку, который, судя по выражению лица, погружен в свои мысли и не обращает внимания на происходящее вокруг.

Через Ворота Бенгази я вышел из города. Лагерь находился в нескольких сотнях метров впереди, прямо у левой обочины дороги. Палатки стояли плотными рядами внутри периметра, огражденного колючей проволокой; через равные промежутки виднелись деревянные вышки охраны. Столбы с фонарями попадались нечасто — видимо, ночью некоторые зоны останутся в полумраке и этим получится воспользоваться. Я дошел до дальнего конца лагеря, держась метрах в пятидесяти от ограждения, и с любопытством разглядывал заключенных, даже не пытаюсь притвориться, будто я здесь с какой-то иной целью, — просто прогуливался не спеша, но и не мешкая, глядя по сторонам по пути. Преодолев треть расстояния вдоль дальней границы лагеря, обращенной вглубь

континента, по направлению к плато, я обнаружил узкую сухую канаву глубиной около полуметра, которая под прямым углом уходила в лагерь. Забор из колючей проволоки не доставал до дна: логично предположить, что человек с легкостью проползет незамеченным по канаве под проволокой и выберется наружу. Ближайшая сторожевая вышка с прожектором находилась в ста метрах, другого освещения не было. Прогулявшись дальше, я заметил ориентиры, которые помогут беглецу в темноте найти дорогу к ближнему вади, сбегавшему вниз, — нужно лишь пройти на юг около тысячи двухсот метров.

Я как раз перепрыгнул через канаву, когда в неподвижном вечернем воздухе из лагеря донесся слабый шум. Я оглянулся, опасаясь столкнуться с патрулем или получить пулю, но ничего подобного не произошло, только группа южноафриканских заключенных — их я узнал по красным нашивкам на погонах — собралась у ограждения. Похоже, они пытались понять, кто перед ними. Сделав еще несколько шагов, я остановился и закурил, словно давая любому охраннику возможность добросовестно проявить бдительность. Затем пошел прочь, под углом постепенно удаляясь от ограждения. Никто, однако, не проявил ко мне ни малейшего интереса, и я благополучно вернулся на дорогу с наиболее удаленной от города стороны.

На основе собранной информации у меня начали складываться сразу несколько планов организации побега. Увиденное мне понравилось. Охрана не слишком бдительна, проволока на ограждении натянута кое-как, а пустынная равнина даст беглецам

возможность вполне безопасным путем добраться до утесов. Учитывая, что в лагере содержалось несколько сотен человек, вероятно, среди них не составит труда отыскать сорвиголов, готовых рискнуть.

Отряд LRDG на привале после рейда на немецкие позиции. В центре снимка — Попски (Владимир Пеняков)

Теперь предстояло направиться к другому лагерю, который находился в двух с половиной километрах, на другом конце города. Когда я, выйдя на дорогу, по собственным следам возвращался к Воротам Бенгази, меня охватило непреодолимое желание отменить эту часть плана и поскорее скрыться в дружественной и безопасной тени вади. Перспектива идти через весь город по этим ужасным, переполненным людьми улицам неожиданно вызвала усталость и опустошение. Разве я не сделал уже достаточно? В другом лагере, который располагался в здании бывшей больницы за дорогой на Тобрук, условия для побега явно будут гораздо хуже, да и выбраться в безопасное место оттуда сложнее, поскольку придется идти через город. Удача улыбнулась мне с первого раза — так не глупо ли рисковать ради гораздо менее выигрышного варианта и тем ставить под угрозу всю затею? Конечно, я поступал нечестно по отношению к узникам, содержавшимся в бывшей больнице, лишая их шанса на побег, но только мне предстояло оценивать собственное решение. Им просто не повезло оказаться в неудачном месте, как и тысячам других пленных, которые находились в еще

более отдаленных местах, куда я в принципе не мог добраться.

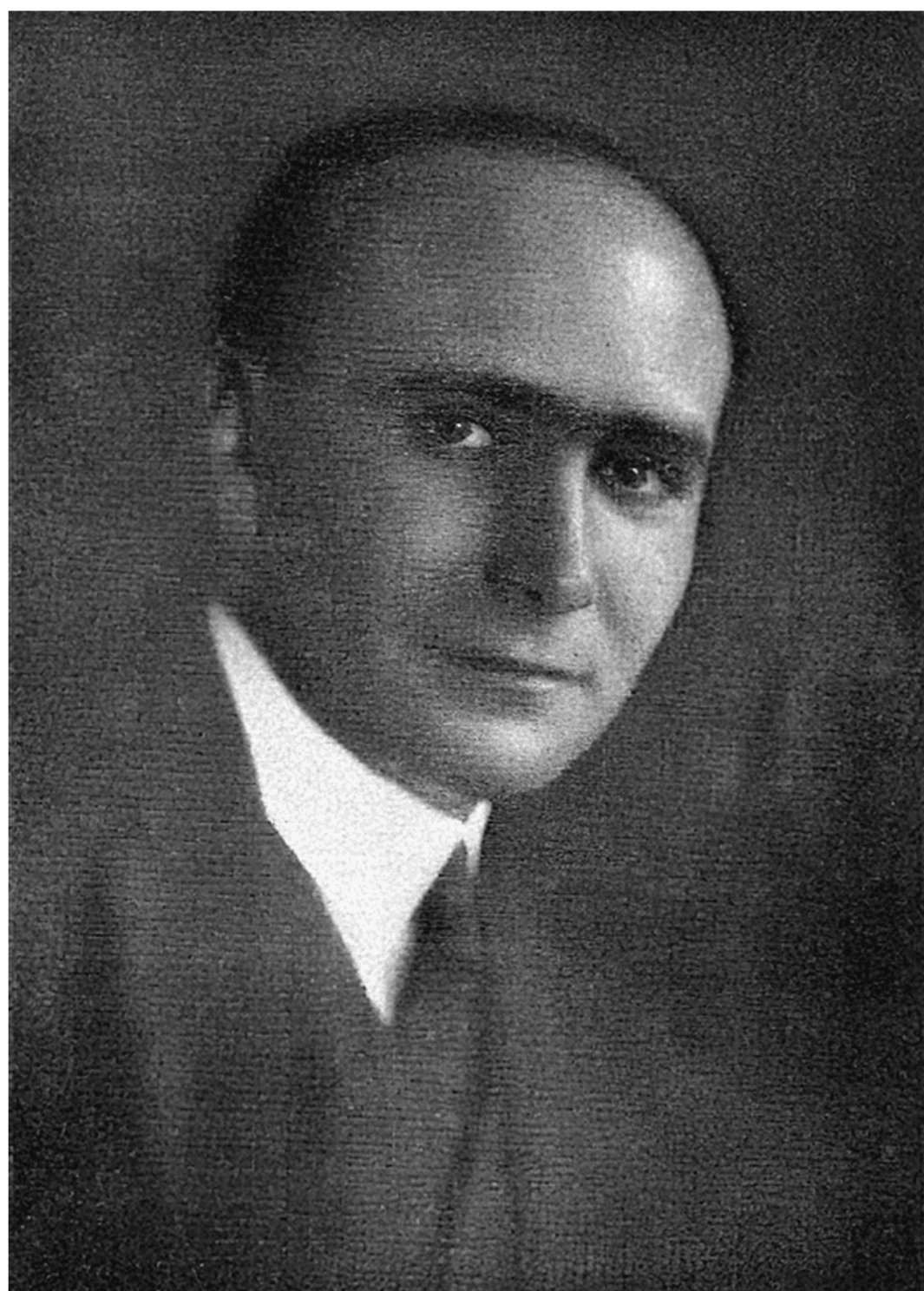
Пройдя примерно три четверти пути от лагеря к городским воротам, я заметил незаметную тропинку, уходившую направо в небольшую рощу. К ней я теперь и направлялся: сверну и через рощу отступлю на плато. Приняв решение, я с облегчением шагнул по дороге.

За несколько метров до поворота я увидел, как прямо перед Воротами Бенгази из дверей интендантского склада вывалилась толпа из двадцати — тридцати итальянских солдат и пошла в город. Неуютное зрелище такого количества врагов подействовало на меня отрезвляюще: я осознал, что мое предыдущее решение, хоть и казалось разумным, было продиктовано страхом. Если сейчас я испугаюсь этой толпы, то и в будущем стану пасовать перед любой опасностью. Сбегу сегодня — буду сбегать всегда.

Так что я пошел по дороге, через ворота, прямо в город, и вновь прокладывал себе путь через толпу: осторожно, с колотящимся сердцем, уверенный в полной бессмысленности своих действий, но преисполненный решимости пройти этот путь до конца.

Мне пришло в голову, что собраты помогут небольшой шок, а уже через мгновение, со страхом взглянув в переулок, я увидел, что навстречу идет молодой итальянец: толстые губы расплываются в бессмысленной улыбке, сломанный нос, уши лопухами — идеальный болван. Он как раз

направлялся на главную улицу. Шаг ему наперерез — и он довольно энергично в меня врезался. Я был готов к столкновению, поэтому с ног он меня не сбил, зато сам парень остолбенел от испуга, а я хорошенько встряхнул его за плечи и сердито зашипел что-то бессмысленное, но отдаленно похожее на немецкую речь: «*Strum strum heidelpferd — strum knöbelstein — strumbelneck — strum strum strangverneckerst neigerloos-*». (Как будто вернулся в детство, когда на таком же выдуманном немецком разговаривал со своими сестрами.) Парень оторопел и тяжело дышал, а когда я отпустил его, бросился обратно в переулок. Два бравых немецких сержанта ухмыльнулись мне с другой стороны улицы, я коротко помахал им рукой и скрылся в толпе.

Владимир Пеняков в конце 1920-х

Остаток пути прошел прекрасно, я развлекал себя такой игрой мысли: «Все эти люди вокруг — военнопленные. А ты — начальник их лагеря. Только притворяешься, что их не видишь, чтобы беднягам не приходилось тебе салютовать каждую минуту». Так, напустив мрачный и отстраненный вид, я добрался до больницы. Она стояла на низкой скале с видом на море. На закрытой территории у обрыва рядами

плотно теснились палатки. Прогулявшись туда-сюда по пляжу, я ненадолго отвлекся на созерцание крайне живописного заката, но все же краем глаза поглядывал на красные скалы наверху. Вскоре я нашел то, что искал: три расщелины, по которым можно было спуститься на пляж. Колючая проволока выполняла скорее декоративную функцию. Видимо, лагерь устраивали в спешке и посчитали, что скала сама по себе является непреодолимой преградой.

Солнце опустилось в море за Рас-бу-Аза. Я подождал еще немного и затем, в наступавшей темноте, снова прошел по центральной улице Дерны. На этот раз я чувствовал себя счастливым: сделал все, что запланировал, и спокойно направлялся домой, размышляя о проделанной за день работе. Приступ малодушия, сковавший меня три часа назад, пришел из далекой юности, времен учебы, но теперь я был мастером своего дела. Мои недавние страхи сейчас казались жалкими и несерьезными. Ко мне пришло понимание, что бояться вообще нечего. Если меня задержат, то я просто окажусь в одном из своих лагерей (ведь меня, скорее всего примут за беглого военнопленного), воспользуюсь одним из собственных планов побега и выберусь оттуда следующей же ночью.

Вновь обретенное мужество крепло. Страх легко преодолеть, усвоив простой урок: ничего хуже, чем смерть, случиться не может. А перспектива смерти, хотя порой и досадная, большинство из нас не так и ужасает. Когда этот шаг сделан, связь между опасностью и страхом разрывается и бороться с желанием сбежать становится легко. И если человек не сбежал один раз, то потом будет уже меньше

подвержен страху, а в будущем сумеет подходить к самому краю бездны ужаса и возвращаться оттуда несломленным. Страх ничем не хуже, чем приступ кишечных колик: когда он приходит, становится очень неприятно, но чем меньше напрягаешься, тем проще его перенести. Однако если человек однажды сдрейфил, не исключено, что свое мужество он не вернет никогда.

Конечно, встречаются люди слишком глупые и лишенные воображения, чтобы испытывать страх в принципе: множество таких героев попадает в армию. А еще есть те, кто будто наслаждается тем, что трясется от страха, — для них лечения нет, таких нужно просто отправлять домой.

Есть и другой страх, страх неудачи, справиться с которым лично мне гораздо сложнее. Он коварно принимает форму иррационального предубеждения, что если ты однажды потерпишь неудачу, то больше никогда не добьешься успеха. Поэтому я всегда невероятно тщательно готовлюсь к любому своему начинанию, а если вдруг что-то идет не так, мне тяжело сразу прислушаться к голосу разума и признать неизбежное.

Однако этот день в Дерне выдался во всех смыслах удачным, и я шел назад с легким сердцем. Возле немецкого штаба я заметил Али, который, видимо, большую часть времени тенью следовал за мной. Я подал незаметный знак, что узнал его, и он пошел вперед, увлекая меня в темноту узкого переулка. Там из мрачной подворотни меня окликнул торопливый шепот: Али и его друзья уже поджидали меня в компании старого осла. Я сел верхом, меня тут же

замотали в джерд, и мы тронулись. На некоторое время я утратил контроль над своей судьбой и, трясясь в седле, задумался над инструкцией, которую хотел написать для пленных.

Редактор: Мика Голубовский

Источник: Владимир Пеняков. «Частная армия Попски». Перевод с английского Николая Конашенка и Николая Мезина.

-
1. На грани смерти (лат.).
 2. По описанию Пенякова, «прямоугольный кусок шерстяной ткани размерами четыре на полтора метра», в который «арабы заворачивались, как в античную тогу».